

Вторжение

Англичане ожесточенного сопротивления не оказывают. Понимают, что сделают себе хуже — на два фронта воевать может, пожалуй, только Сталин. Да и тот не долго.

Периодически войска натываются на британцев, и возникают ситуации, когда избежать боя не удастся. Тогда те из них, кто поумнее, сдаются в плен Красной Армии. Те, кто считают себя смелыми — сопротивляются. Но таких не много. Взвод, реже рота, да и те отстреливаются по инициативе своих гордых офицеров, которые не в курсе обстановки. А как только командира шлепнут — всё, подразделение сдается.

Как они не понимают, что переход на нашу сторону гарантирует жизнь, сносные условия и возможность сражаться против немцев с русским оружием в руках? Если даже оружие совсем простое. Зато эффективное и самое лучшее в мире.

Немцы давно планировали и, наконец, начали операцию «Seelöwe» — «Морской лев». На этот случай наш Генштаб разрабатывал план «Варяг», который привел в исполнение, когда стало ясно, что англичане сильно измотаны дракой с фрицами.

С севера на юг Англии прошли быстро — войск там либо не было вообще, либо оставались тщедушные, разрозненные гарнизоны, которые вдобавок еще не знают, зачем мы пришли. «Потешные», как их окрестил острый солдатский язык.

Они не сопротивлялись, видя, как танки БТ разворачиваются из походного в предбоевой, а затем в боевой порядок. А как только танки выходят на дорогу, они совершают на колесах стремительный марш-бросок. И до следующего городка. Пехота с менее быстрой техникой идут позади и, если надо, подавляют очаги сопротивления, которые обнаруживаются танками. А те гусеницы скинут и опять по дорогам вперед несутся. Англичан очень впечатляет армада русских танков, за каждым из которых даже в поле не угнаться.

С авиацией тоже трудностей не возникает. Британцы в воздухе уж на что отчаянные, но после драки с нашими соколами и думать забыли о столкновениях — свою технику сохранить важнее.

Конечно, наше командование сразу сообщило их правительству, что оказывает братскую помощь старому доброму рабочему классу Англии. А что их министры не довели до своих генералов нужные сведения, так это, как говорится, не наши проблемы. Вот и огрызаются почему зря и сухопутные, и на море, и в воздухе.

Но большинство, конечно, встречает нас если и не с радостью, то, по крайней мере, без злобы. Понимают, что союз с нами для них единственное спасение.

Мы свое дело знаем. Почитай, весь остров одним броском прошли. Вот доберемся до побережья, попляшут немцы. Их сейчас больше всего на юге и юго-востоке. Орды. Но в том и плюс — где гаубичный дивизион ни поработает, везде будет позитивный результат.

Фрицев сейчас и в Чехии, и в Румынии попржижали, да там скоро все закончится. А здесь остров, особо не развернешься. Не успеют оглянуться, как за спиной окажется Ла-Манш. Вот и пускай попробуют эвакуироваться под огнем артиллерии и налетами авиа-

ции. Уж у Британии самолетов хватит, да и мы поможем. А береговые батареи у них будь здоров. Может, еще и нашим балтийским фору дадут.

Подводные лодки им не помогут. Наши в бой особо не лезут, а томми и без них справляются. Немецкий флот так просто к себе не пропустят. И те, и те помнят Скапа-Флоу девятнадцатого и тридцать девятого.

В общем, скоро немцам придется несладко, это уж как пить дать. Сбросим их в воду, никакой флот, никакие люфтваффе им не помогут. Оставим рожки да ножики.

Снайпер Алексей Михалев, младший лейтенант, мотострелок, разведчик, устало снял с плеч здоровенный ранец и аккуратно положил его на землю. Расчехлил винтовку. СВТ-40 — самозарядная 7,62 мм винтовка системы Токарева — легкая, неприхотливая, технически совершенная. Достойный образец русского оружия, который Алексей полюбил сразу.

Со своей АВС-36 он стал лучшим снайпером дивизии. С новой же винтовкой он, понятное дело, резко повысил свои способности.

Снайперский вариант винтовки отличался от обычного. Во-первых, новым облегченным 3,5-кратным прицелом ПУ, разработанным специально для нее. Во-вторых, стволом, канал которого обрабатывался особым способом. В-третьих, дальностью стрельбы — до 1300 метров. В-четвертых, скорострельностью от 25 до 40 прицельных выстрелов в минуту.

Был у нее и недостаток — яркое дульное пламя демаскировало стрелка. Однако Алексей считал, что снайпер должен стрелять по принципу «одна цель — один выстрел», после чего необходимо было менять позицию. Этот недостаток он считал несущественным.

Такая винтовка была настоящим подарком снайперу. За месяц он освоил ее, знал как свои пять пальцев и горел желанием испытать в настоящем деле. И вот такая возможность представилась.

Раздвигая мокрые после дождя ярко-зеленые ветки кустов и деревьев, он прошел к самой окраине леса, уселся на землю и начал осматривать местность. По карте выходило, что в этом районе должны располагаться немецкие части. Прорезав в листве небольшое «окно», он высунул ствол винтовки и повел им слева направо, оглядывая широкий сектор перед собой.

С горки открывался потрясающий вид. Мечта поэта! Да что poeta — любого писателя или художника. После ночного дождя в утренней рассветной дымке перед ним раскинулись зеленые поля, отдельные рожицы на холмах, аккуратные заборчики и домики небольшого тихого поселка. Природа. Романтика, можно сказать.

Однако тут же Алексею стало не до романтики, ибо в прицел он поймал пехотное отделение немцев, усталым походным шагом двигавшихся по направлению к лагерю — несколькими палаткам, танкам, грузовикам, которые не сказать, чтобы были тщательно замаскированы.

Непонятно, кто это придумал. На первый взгляд, полный бред — в пару разведчику-диверсанту давать военнотружущего другой армии. Да и снайперов обычно не посылают в диверсионные рейды. А тут дали рыжего британца для компании и отправили стрелять фашистских офицеров.

Парень не диверсант, не снайпер, не разведчик. Просто пехотинец, сержант. Правда, у них звание сержанта повыше, чем у нас.

Поначалу я сопротивлялся. Зачем мне такая обуза? Но командир роты в доступных выражениях объяснил, что так надо. Ну, надо — значит, надо. С приказами не спорят. Как выяснилось, его главная роль в нашем рейде — быть моим проводником. Меня хоть и снабдили картой местности и разговорником (маленькая такая книжечка, в ней все основные фразы для общения с населением и допроса пленных), но опыт показал, что общаться с местными почти невозможно. Даже с разговорником. То есть, они тебя худо-бедно понимают, а ты их нет. После неудачных попыток наладить контакт командование приняло решение работать с переводчиками.

Мне достался ценный экземпляр, ибо местность он знал хорошо. А самое главное, помогал объясниться с аборигенами. Дело в том, что никаких знаков различия на мне нет. Просто пятнистая десантная амуниция. А ну как меня за немца примут? Топором по голове тяпнут, и с концами. А этот рыжий умеет без драки объяснить, кто мы такие и что нас трогать не надо.

Оружия у него нет. Если понадобится, я уполномочен выдать ему свой ТТ с запасной обоймой. Или, опять же, если понадобится, шлепнуть его из этого ТТ. Например, если он пожелает выдать меня или перейти на сторону противника.

Я поднялся с мокрой земли и пошел обратно к тому месту, где оставил рыжего Джорджа охранять мое снаряжение. Охранник из него, прямо скажем, никакой. Прохвост откинулся на ствол дерева и заснул, видимо, сразу после того, как я ушел проводить рекогносцировку. Поначалу я расвирепел и хотел жестоко над ним поглумиться. В мокром утреннем лесу я бы нашел массу способов, как это лучше и изощреннее сделать. Однако тут же мне стало жаль беднягу. Не выдержал темпа, что же теперь делать.

Я легонько пнул его туда, где тело соприкасалось с грешной землей. Тот вздрогнул и вскочил.

— Пошли. — Сказал я. — Летс гоу.

Рыжий нарвал веток, укрыл мой ранец и послушно пошел за мной. Я снова уселся в кустах, усадил Джорджа рядом и спросил, что это за населенный пункт. Тот подумал немного и назвал его. Тогда я достал карту и нашел это место. Мой район. Значит, быть диверсии.

Мое задание предписывало мне поштучно уничтожать командиров подразделений и частей, которые будут попадаться в моем районе. Как я догадывался, аналогичное задание получали многие группы, которые действовали юго-восточнее Лондона.

Я снова поймал в прицел лагерь немцев и стал прикидывать, с каким подразделением мне пришлось столкнуться. По всем прикидкам выходило, что их тут не больше роты. Джордж, который сидел рядом и тоже наблюдал их позиции в бинокль, подтвердил: «кампани», что означало «рота». Значит, командир либо хауптман, он же капитан, либо майор. Я стал ждать.

Скоро ожидание мое вознаградилось появлением капитана в серой форме. Холерный такой здоровяк.

Ничего, недолго ему командовать. Мне выпало заниматься его смещением с должности.

— Кэптен, — сказал я своему проводнику. Тот понял, что наша цель — хауптман.

На мою беду, густые облака, затягивавшие небо еще с ночи, стали расходиться, появилось солнце. Если бы оно светило на нас, пришлось бы ждать, пока оно окажется за

спиной, так как немцы могут заметить блик прицела. Но в этот раз повезло — солнце показалось за спиной, и это надо было тут же использовать.

Алексей встал на правое колено, выровнял корпус, положил щеку на приклад и стал искать цель. Капитан ходил по расположению своей роты, осматривал технику, то и дело скрываясь за грузовиками, домами или деревьями.

Неожиданно солдаты засуетились. Алексей спокойно наблюдал, с интересом ожидая, чем эта суэта закончится. Закончилась она построением роты, и Алексей сразу подобрался, сосредоточился, ибо сейчас ему представлялся самый верный шанс «завалить» хауптмана.

Пока немцы выравнивали строй, он замедлял дыхание, наблюдая, как здоровенный капитан ходит взад-вперед, помахивая сорванным где-то прутиком. Наконец его подразделение замерло в ожидании. Офицер встал перед строем и начал, видимо, что-то говорить, поворачивая голову то вправо, то влево.

По отношению к снайперу он стоял лицом и чуть вполоборота, что позволяло держать в перекрестии прицела клапан правого от Алексея кармана. Позиция была выбрана самая удачная — солдаты не видят вспышку выстрела, цель стоит лицом, солнце светит цели в глаза, от чего та практически слепнет.

Алексей выдохнул, задержал дыхание, ритм сердца успокоился. В этот момент указательным пальцем правой руки он нажал на спусковой крючок «по направлению строго назад», как когда-то учил инструктор.

Винтовка выплюнула заряд, дернулась, но Алексей словно чувствовал пулю. Он успел увидеть, как ударила она немецкого капитана. Даже как будто бы услышал глухой шлепок пули о тело фашиста.

Он уже не видел, как рассыпался строй немецких солдат, как замелькали блестящие каски. Но было слышно, как заговорил МГ-34, пытаясь наугад попасть в то место, откуда бил снайпер. Как взревели двигатели машин и бронетранспортеров — в погоню!

За кем? Куда? Никто не знал, но все были полны решимости наказать стрелка.

Алексей коротко бросил своему проводнику: «Стэнд ап. Гоу». Они поднялись и ушли вглубь леса.

Офицера я положил без труда. Тот стоял-стоял, да и повалился. Вряд ли кто-то мог засечь мою позицию, но я все равно не собирался тут отсиживаться. Сегодня вечером истекает срок моего рейда. Всё, что от меня требовалось, я сделал. И даже больше. Теперь надо уходить в означенный квадрат и ждать транспорт для эвакуации к своим.

Чуть позади меня бежит Джордж. Тяжело ему, рыжему, да я и так задал низкий темп. Он бы и рад, наверное, идти спокойно, но в таких ситуациях требуется покидать район стрельбы как можно быстрее. С его подготовкой у нас это не выйдет, поэтому медленный бег — уже хорошо.

Мимо мелькают редкие деревья, в чащи стараемся не забредать. Овраг. Перебираемся на другую сторону, привал. Рыжий тяжело дышит, устал. Рад бы я его подбодрить, да не смогу. Языка я не знаю, а волшебная книжечка мне не поможет. Не для таких случаев ее писали.

Отдохнули? Снова вперед. Вот перед нами речка. Чистая, прозрачная вода журчит. Вроде, не глубоко. За мной, Джордж, чего смотришь? Шлепая по воде, бежим, пока внут-

ренный голос не подсказывает мне остановиться. Тихо! Что там слышно? Самолет! За мной, в лес! Некогда разбираться, свой он или чужой. Сейчас по всем окрестностям идет охота на снайперов, которые сделали свои выстрелы и, так же, как я, уходят на запад. У каждого свое место встречи с эвакуатором.

А впереди поле. Туда мы не сунемся, понятное дело. Снова уходим в лес, делаем передышку. Рыжий без сил валится на сырую землю. Пусть пока поваляется.

Жуя скудный диверсантский обед, сверяюсь с картой. По всему выходит, что к закату будем на месте. Примерно в это время нас там и ждут.

— Вставай солдат! Ап! Гоу! — Снова бежим сквозь редкий лес. А рыжий-то молодец. Хоть и тяжело ему, а держится — не ноет, да еще и смотрит, как я бегу и что делаю. Учится в боевой обстановке. Толковый парень.

А что это слева? Два темных силуэта мелькнули в стороне и исчезли. Немцы так не бегают — по двое и с такой скоростью. Англичане? Откуда им тут взяться? Смутное тревожное ощущение проскакивает в голове, но думать некогда. Будешь думать, вмиг отстрелят все самые жизненно важные органы.

Увеличиваю темп, на ходу прыгая через пни и поваленные деревья, вытаскиваю пистолет. Ухожу сильно левее и скоро выбегаю наперерез незнакомцам. Точно! Мои соображения оправдались: передо мной, так же тяжело дыша и точно так же целясь в меня из ТТ, стоит мое отражение. В пятнистой униформе, с таким же ранцем. И сзади точная копия моего англичанина!

— Ар ю эн офицер? Прайвет? — спрашиваю. Как только заучил эту книжицу?

— Сам дурак, — отвечает. По-русски! Ну точно — коллега.

— Опускаем оружие?

— Опускаем.

На поляну, где вершится наше театрализованное действие, выбегает бледный, как смерть, Джордж. Ну и видок у него: запыхавшийся, грязный, таращит глаза и не понимает, что случилось. Правда, компаньон моего коллеги ничуть не лучше.

Такое редко бывает, но мне посчастливилось встретить другого диверсанта. Тот считает нужным представиться:

— Младший лейтенант Алексей Михалев.

Слыхал, слыхал. Один из лучших стрелков. Я, в свою очередь, представляюсь, и он тоже одобрительно кивает — не только о нем молва ходит. Пожимаем друг другу руки. Наши проводники, видя это, сменяют настороженность на радушие и начинают перебрасываться короткими фразами на родном языке.

Вообще-то, не положено обсуждать свои задания, но общими фразами обменяться не грех. Я спрашиваю первым:

— Давно бежишь?

— Да, порядком.

— Много навалил, Робин Гуд?

— Да так, в основном, по мелочи. Только в самом конце капитан попался. — Коллега, однако, не унывает. — Сам-то как?

— А у меня тоже капитан, было, наклюнулся, а потом повезло. Прикатил какой-то оберст на машине, я его и приговорил к высшей мере.

— Молодец, — говорит коллега. — Отлично поработал.

— Да мы все хорошо поработали. Скоро фрицев спихнем в океан, тогда и остров наш. Никто пикнуть не успеет.

Солнце снова скрылось за тучами, близился вечер. С востока накатывали темные грозовые облака, усиливались порывы ветра. Когда небо потемнело, и на чистый английский лес опустился мрак, раздались первые раскаты грома.

Хлынул ливень.

В частых вспышках молний было видно, как на лесной поляне прощаются четыре человека.

28.05.2005